5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 13 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ 1927 ГОД
МОСКВА, Солянка, 12, Дворец Труда. ● Телефон редакции и конторы 5-08-17

БУНТ МАШИН

Рис. Л. Бродаты

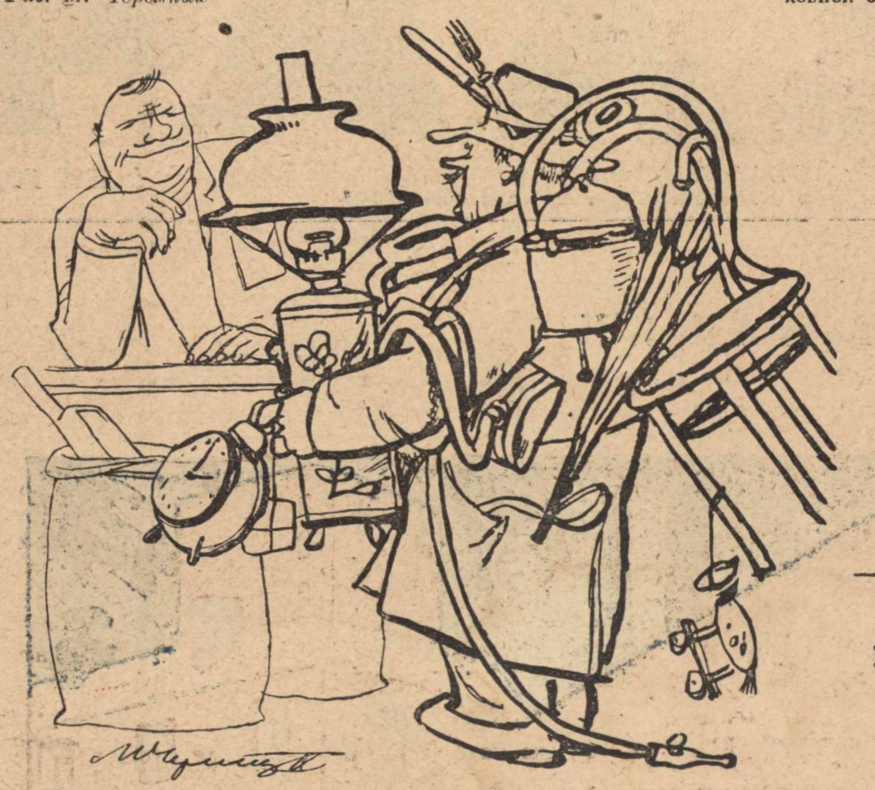

— НА БОРЬБУ С ПРОГУЛАМИ!

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

Рис. М. Черемных

За искажение здоровой линии в торговле, за чрезмерное стремление к прибылям за счет потребителя хозяйственники будут подвергаться уголовной ответственности. *Из газет.*

ОБЫВАТЕЛЬ: — К чему все это? Я мог-бы и половиной обойтись!

ХОЗЯЙСТВЕННИК: — Ничего не поделаешь, — принудительный ассортимент!

ХОЗЯЙСТВЕННИК: — К чему все это? Я мог-бы и половиной обойтись!

СУДЬЯ: — Ничего не поделаешь, — принудительный ассортимент!

СТРАШНАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОТРЕЗАННОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ УСЕ И НЕ МЕНЕЕ СТРАШНАЯ БЫЛЬ О ТЕХ, КОТОРЫЕ САМИ С УСАМИ...

ЖУТКОЕ было начало!..

Поздней ночью, когда рыдали вечно печальные псы, и в ночном тумане то здесь, то там взрывалась и простреливала уснувший воздух пьяная икота, при свете с'ежившейся в испуге луны егоршинский милиционер увидел своим собственным оком—именно тем самым оком, которое вечно бдит,—на городской улице... при... при... при... видение...

Милиционер затрепетал от понятного возмущения и, поглаживая одной дрожащей рукой холодную кожу кобуры, другой поднес к немеющим губам охрипший в уличных боях свисток...

— Ни с места!—прошептал он, задрожав... И стал решительно приближаться к странному существу человеческой породы...

— Ни с места!..

Странное существо человеческой породы бессмысленно уставилось на храброго милиционера слипавшимися от сна глазами и промычало какие-то совсем нечеловеческие слова...

— Прос-кок-кок-коков!..

Но милиционер не расслышал этих таинственных слов...

Бдительное милицейское око начало прогуливаться по физиономии загадочного незнакомца и, наконец, как бы решив сложный ребус, совершило привал на верхней губе задержанного странного существа.

— А... позвольте спросить... на каком это основании? А?.. Что же это такое, гражданин?

Дело в том, что у взволнованного и смущенного не менее, чем сам милиционер, гражданина вызывающе торчал всего один только ус... Всего один только ус!!! Это он—наглый, мистический, дотоле невиданный в республике всего один только ус пронзил, как хорошо отточенный штык, милиционерово сердце...

— На каком основании?.. А куда ж это задевался у вас второй ус, гражданин?.. Эдак можно и за сокрытие...

▼

ПОКРУЧИВАЯ свой единственный ус, неизвестный гражданин поведал трагическую и горькую свою историю...

— Ужас, ужас! Все это подлец Проскоков!.. Выпили мы с ним... поговорили... еще выпили... Все чин-чином... И Проскоков был пьян, и я, Дербышев, был пьян и усы были, как полагается, на своем собственном законом установленном месте... Теперь, значит, у меня обнаковение после выпивки вздремнуть... Вот тут, надо-быть, Проскоков, воспользовавшись моим сном праведным, и совершил кражу со взломом одного собственного моего уса... Кошмар!.. Что же буду я, разнесчастный, теперь с одним усом делать?..

Но милиционеру было не до слез Дербышева (так звали пострадавшего на один ус гражданина).

Егоршинскому стражу порядка и спокойствия исчезновение человеческого уса сообщило необыкновенную активность... Он немедленно разыскал дерзкого усопохитителя гражданина Проскокова, устроил очную ставку с Дербышевым, который явился с вещественным доказательством — оголенным усом, составил надлежащий протокол, протокол передал в Райисполком, Райисполком...

▼

Дальше все настолько шаблонно, обычно и привычно для нашего бюрократо-обличительного времени, настолько лишено всякой пряности, новизны, мистики, фантастики и мейерхольдовщины, что едва ли может заинтересовать читателя... Дальше начинается «ах, все о том же». Не надоело ли?

Дальше должен развернуться рассказ о бюрократической сложной машине, об учрежденческих лабиринтах, о тех, которые усом не ведут, а дело о выеденном яйце или об отрезанном усе ведут с настойчивостью, достойной лучшей участи,—словом, дальше о тех, которые сами с усами...

Вы просите покороче?.. Пожалуйста!..

. . . .

Райисполком наложил на усопохитителя десятирублевый штраф, усопохититель обжаловал куда следует, дело было направлено к доследованию, с доследования переписка «об отрезанном усе» попала не более не менее, как в секретариат Свердловского Окр'исполкома, из секретариата на заседание президиума, из президиума...

В президиуме, — мерси вам, наконец то! — после соответствующих прений, было установлено, что ус гражданина Дербышева отнюдь не является государственной собственностью и следовательно похищение означенного уса ущерба республике не нанесло, а посему президиум составил коллективно следующее:

Стихотворение в прозе

«Учитывая: 1) что деяние, совершенное гр. Проскоковым, выразившееся в обстрижке уса гр. Дербышева без согласия последнего, как не сопряженное с явным неуважением к обществу, не может быть квалифицировано по 1 части ст. 176 УК, а подлежит квалификации по ст. 172, по которой не может быть возбуждено дело иначе, как по жалобе потерпевшего — отменить постановление Егоршинского Райисполкома».

. . . .

Прошел год, как пишет старый русский классик Потапенко.

У Дербышева на месте похищенного вырос новый пушистый, молодой, упругий ус... А у «дела о похищенном усе» не перестает отрастать окладистая, величавая бюрократическая борода...

Когда она станет как лунь белой, дело, быть-может, окончится...

Но пока оно снова пошло по инстанциям, ибо...

... Райисполком предложил Проскокову, если у него имеется на то желание, снова «возбудить ходатайство о возврате взысканных за отрезанный ус денег»...

Проскоков возбуждает ходатайство... Год второй...

Теперь откровенно сознаюсь перед читателем,—если бы в этом усатом и бородатом деле не было элементов волокиты — не пришлось бы мне утруждать его внимание... Ибо страшная легенда о человеке с одним усом—это для вдохновенного творчества Гоголя, Гофмана, Эдгара По... куда уж нам?..

Но не менее ужасная легенда о Свердловском головотяпстве и бюрократизме—это обязательная тема для советского журналиста, который должен и «историю об отрезанном усе» зарубить у кого следует на усах!..

АЛ. ВАСИЛЬЕВ

ВСЯКОЕ...... **......ТАКОЕ**

ПОСПЕШИШЬ—СЕБЯ НАСМЕШИШЬ!

Рис. Б. Малаховского

ОНИ ЕЩЕ УСПЕЮТ ПОДПИСАТЬСЯ НА „СМЕХАЧ"!..

НАШ ЖАРГОН

У постели умирающего совслужащего с рыданием склонилась любящая и любимая жена.

— Ну, пока...—коснеющими губами прошептал несчастный, отвернулся к стене и умер.

В ЗОО-ПАРКЕ

Глава:—Эка удивили! Пресмыкающиеся! Да у меня в учреждении пресмыкающихся сколько угодно!

ЧУЖОЕ ДОБРО ВПРОК НЕ ИДЕТ

Румынский дипломат: — Это бессарабское вино очень вкусно, но почему оно до сих пор никак не может перебродить?

КУЛЬТРАБОТА

— Обратите внимание на этого гражданина—он дни и ночи проводит в нашем клубе!

— Неужели такой активист?

— Нет, он просто сторож.

ЗНАМЕНОСЦЫ

— Мы, — кооператоры, — должны высоко держать знамя кооперации...

— Да знамя то можно высоко, а вот цены то понизе-б надо!

ЗАВОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

— А во сколько встал ремонт этой крыши?..

— 302 рубля: 300 рублей самый ремонт, да 2 рубля почтовых расходов на 20 рабкоровских заметок о необходимости ремонта!

НЕИСПРАВИМЫЙ ДУРАК

— Смотри, папаня, идет оркестр военной музыки.

— Это что! Вот оркестр довоенной музыки. Это было да!

ТРЕСТ И СИНДИКАТ

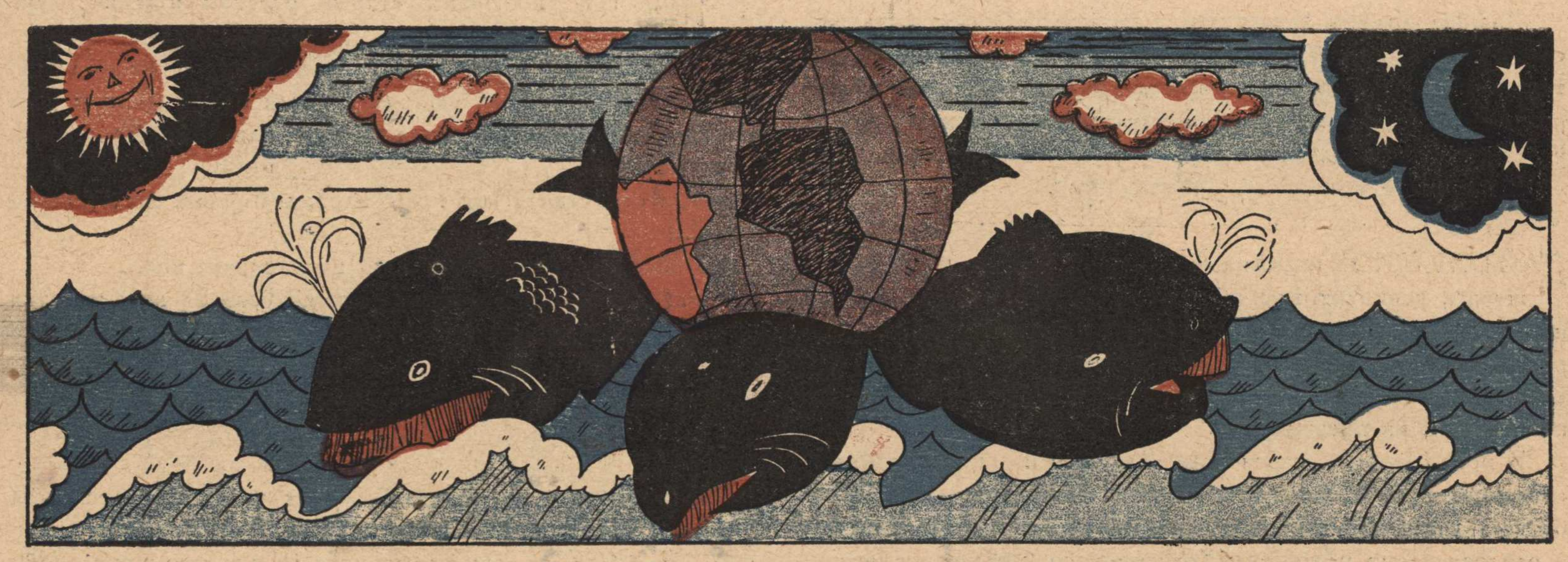
— Ваши интересы для нас на первом плане.

— Почему-же мы этого не замечаем?

— Да ведь после первого плана был еще второй, третий, четвертый...

О КИТАХ ВООБЩЕ И В ЧАСТНОСТИ

Рис. Ю. Ганфа

Три кита, на которых держится мир...

Три кита, на которых держится война...

РОМАН ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА

„Каждая эпоха создает свой язык“.

ЛУНА шла на повышение. Для этого вечера 30%-ный об'ем ее можно было признать нормальным.

Прямо с заседания, четвертого в этот день, я пошел с Наташей в сад, дабы, согласно моей служебной записке от вчерашнего числа, решить вопрос о наших взаимоотношениях окончательно, без передачи в междуведомственную комиссию.

Рука с рукой, в тесном контакте, мы подошли к отдаленной скамье и сели. Я смотрел на Наташу. Нежный облик ее казался мне рентабельным. Продукция ТЭЖЭ приятно благоухала. В милых глазах, чистых, как после контрольной комиссии, я читал уже заранее заготовленную резолюцию, но не хотел форсировать хода событий.

Ее тонкое платье без рукавов (высокие наценки на мануфактуру) и шелковые чулки (импорт и налог на роскошь) рядом с моей полотняной блузой и рыжими штиблетами ярко подчеркивали нашу классовую разницу, при едином внутреннем фронте (бывают же такие идеологические нелепицы).

— Наташа, — спросил я, — согласна ты или нет? Дальнейшего отлагательства вопрос не терпит и требует немедленного голосования.

— Ну, что ж, голоснем,—сказала Наташа.—Я согласна. А ты?

— Присоединяюсь к мнению предыдущего оратора.

С товарищеским приветом мы пожали друг другу руки.

Сознавая персональную ответственность за принятое решение, я чувствовал и счастье, которое все ярче вырисовывалось в перспективном (пятилетнем) плане нашего сближения. Я попробовал (сильны буржуазные предрассудки!) поцеловать ее руку, но — увы! — мой поцелуй вышел неквалифицированным, неловким.

Ориентируясь на будущее, мы поцеловались, как следует, в губы. Несколько мешала этому ее широкая шляпа—лишнее звено в Наташином аппарате,—обильная пудра и кармин на губах (накладные расходы). Тут я понял, что ее лицо, можно сказать, сплошной об'ект обложения.

Бесконтрольно расходуя время, мы не замечали, как проходила ночь. Словно входящие и исходящие, чередовались поцелуи. Луна уже ликвидировалась. На темном небе Сибзолотом блестели звезды. Пора было подводить баланс и ставить точку.

▼

ЧЕРЕЗ два дня начался период накопления и заготовок. Режим экономии треснул по всем швам. Расходы на содержание аппарата и на предстоящие производственные нужды не соответствовали моим финансовым возможностям, но обойтись без них было нельзя.

Покупая духи, конфеты и прочее, я утешал себя тем, что, содействуя процветанию легкой промышленности, я подвожу экономический базис под тяжелую индустрию.

▼

В ДАННЫЙ момент мы уже женаты. Возвращаясь ночью с заседания домой, я усиленно поднимаю акции чаеуправления, пищетреста и винторга.

Наташа очень интересуется текстильсиндикатом и матмладом. А в окно победоносно глядит высокая стопроцентная луна.

Г. ВЯТКИН

ЗАГРАНИЧНАЯ КИНО-МАССОВКА

Советская кино-картина „9-го января“ запрещена в свободном городе Данциге, как „содействующая огрубению нравов“.

Из газет.

Рис. Б. Малаховского

Меры к смягчению нравов в свободном городе Данциге уже приняты...

ПЕРВОАПРЕЛЬСКОЕ

Рис. Б. Антоновского

ОБЫКНОВЕННАЯ УЛИЦА 31-го МАРТА В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

ОНА ЖЕ ПЕРВОГО АПРЕЛЯ, В ТОТ ЖЕ ЧАС.

И СЛОВОМ, И ДЕЛОМ

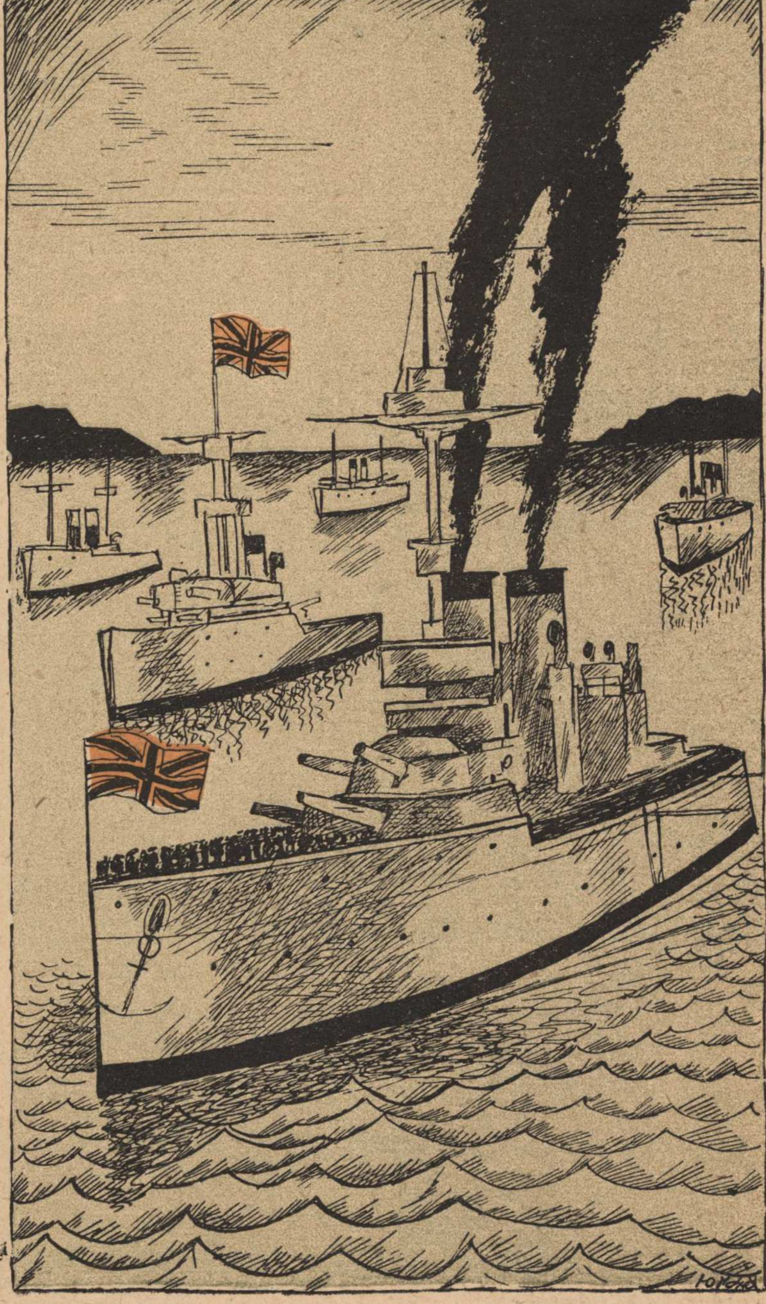
Рис. Ю. Ганфа

ЧЕМБЕРЛЕН:—Говорят, что я враг китайскому народу. Между тем, я готов за него...

...в огонь

...и в воду!

КАК ПОГИБ ЧЕБЫКИН

(Действительное происшествие в 7 главах с эпилогом)

Друзья жили в Шепетовке

КТО хоть раз проезжал Шепетовку, тот знает, что достопримечательностью этого небольшо го украинского городка являлась нерушимая, железная дружба между ответ-работниками местного Окрфо—Чебыкиным и Эйдельманом.

Ответственность их была почти одинакова. Первый был контролером сберкассы, а второй украшал собой туземное отделение сельхозналога.

Вся Шепетовка гордилась этой неслыханной дружбой.

Необычайное событие

В ОДНО погожее утро на Шепетовку обрушилось несчастье.

Все растерялись. По городу пронеслось интригующее шипение:

— Чебыкин поссорился с Эйдельманом, а Эйдельман поклялся допечь Чебыкина.

Ссора была великая, но шли слухи, что Чебыкин ничуть не испугался Эйдельмана. В то же время очевидцы передавали, что великий Эйдельман уже готовится к битве с гордым Чебыкиным.

Ночь была проведена в догадках

В НОЧЬ, наступившую непосредственно после примечательной ссоры, Шепетовка не спала. Граждане толпами бродили по единственной, но главной улице своего города.

— Что будет?—слышались грустные вопросы.

— Плохо будет!—говорили знающие люди, бородатые контрабандисты и бывалые старички.—Он фактически допечет Чебыкина!

Тут все зашевелились, ибо сам Эйдельман появился у калитки своего дома.

Героя окружила толпа.

— Что же будет?

— Это вы увидите завтра!

Сказав так, Эйдельман удалился в дом и гордо лег спать.

А в другом конце города, саженях по крайней мере в 15 от дома Эйдельмана, также гордо спал ничего не подозревающий Чебыкин.

На утро...

УТРОМ широкие массы Шепетовки попрежнему толпились у дома Эйдельмана.

Герой вышел и торжественно направился в Окрфо. Толпа трепетно следовала по его пятам.

Герой подходил к окошечку сберкассы, за которым притаился Чебыкин.

Это был финансовый гений

УВИДЯ подходящего к нему Эйдельмана, Чебыкин трясущейся рукой стал щелкать на счетах.

Чебыкин схватился за сердце.

— Я,—страшным голосом сказал Эйдельман,—имею вынуть из моих трудовых сбережений в сберкассе некоторую сумму.

— Пожалуйста!—радостно сказал Чебыкин, видя, что дело принимает мирный оборот.

— Я,—повторил Эйдельман, ликуя,—имею вынуть из своих сбережений 01 (ноль одну) копейку.

— Ну, и берите!—ответил Чебыкин.

— И возьму!—возразил Эйдельман.

И взял. И ушел.

Горожане слегка разочаровались, и, уставшие от треволнений ночи и утра, расположились на паперти сберкассы подзакусить и слегка отдохнуть.

— Тут что-то не то!—говорили старики.

Так вот где таилась погибель моя!

ЧЕРЕЗ полчаса в конце главной улицы появилась сухопарая фигура Эйдельмана.

— Я извиняюсь,—сказал он, вежливо расталкивая толпу,—пропустите меня!

Через минуту он уже стоял у окошечка Чебыкина и сухо говорил:

— ... да... одну копейку... имею вынуть.

И вынул. И, вынув, ушел.

— Чудак!—весело подумал Чебыкин, с легким сердцем принимаясь за ресконтро.

Толпа не расходилась.

— Я имею,—говорил ровно через полчаса Эйдельман Чебыкину,—вынуть...

— Копейку?—устало спросил контролер.

И Эйдельман ледяным голосом подтвердил что да, он имеет вынуть одну копейку.

К вечеру сумма, которую успел вынуть Эйдельман, равнялась 36 копейкам.

Измученный Чебыкин недоумевал. Толпа не расходилась.

Гибель Чебыкина

ПОГИБ Чебыкин ровно в 4 часа следующего дня, когда после 64 визитов Эйдельмана, вклад последнего уменьшился еще на 64 копейки.

Страшный вопль вылетел из вольного города Шепетовки и, докатившись до ближайшего губцентра, замер.

Вопль издал Чебыкин. Он все понял.

— Вот оно, начинается!—сообразили все еще закусывавшие старички.

Но на этот раз они ошиблись. Все уже кончалось.

— Я погиб!—воскликнул Чебыкин, холодея,—хитрый Эйдельман причинил огромный вред государству, и орудием преступления избрал меня!

Чебыкин высчитал, что выдача каждой копейки Эйдельману обходится в 3 копейки государству.

И железный Чебыкин зарыдал.

Старички ахнули.

А на утро у окошечка снова стоял хладнокровный, долговязый Эйдельман.

— Я имею вынуть одну копе...

Эпилог

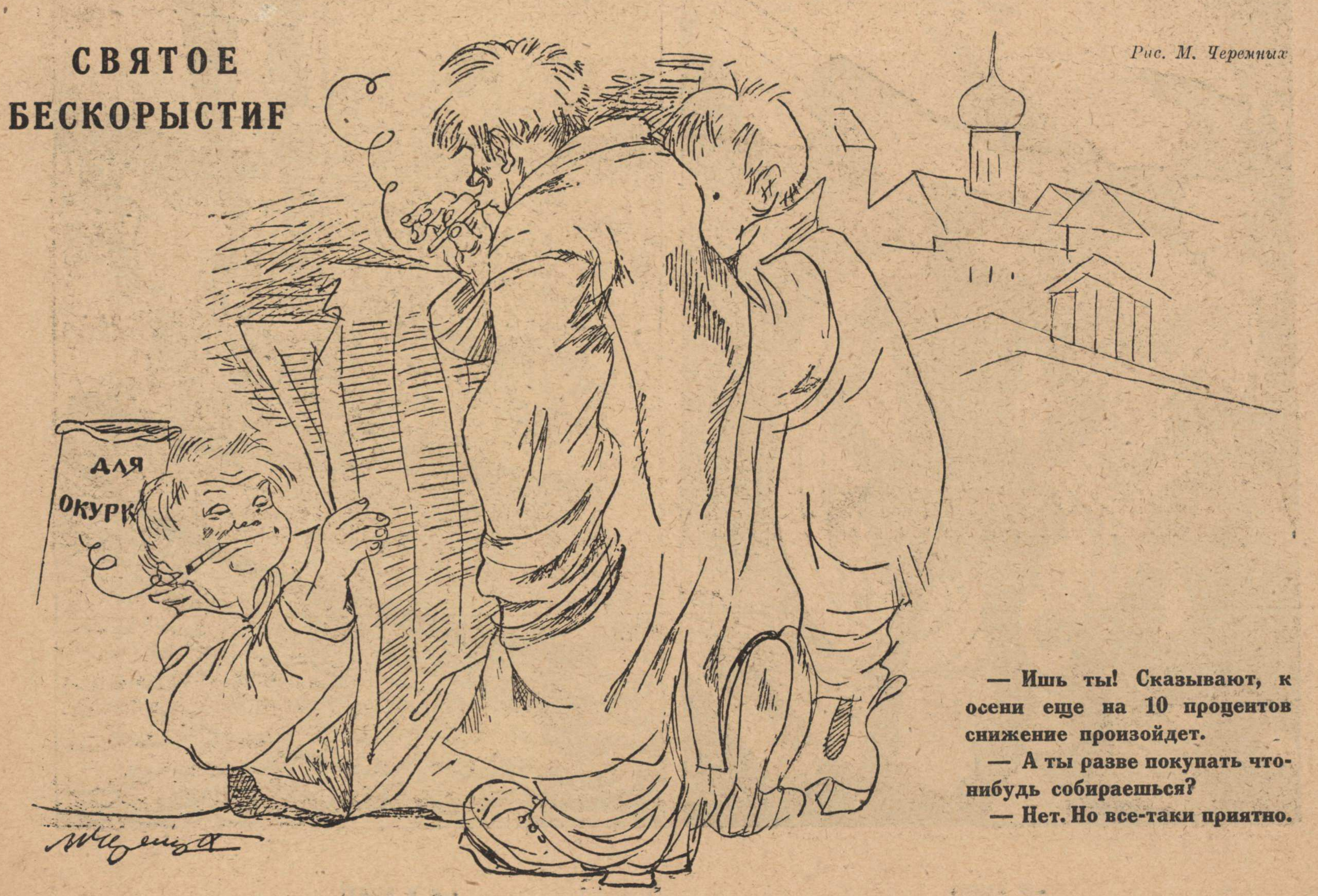
ГОВОРЯТ, что Эйдельман беспощадно угнетает Чебыкина и по сию пору. Это очень вредит местной торговле и промышленности, так как бывалые старички, вместо того, чтобы заниматься продажей контрабанды в разнос, коротают дни у окошечка сберкассы.

Кто не верит—может убедиться! Шепетовка находится на Волыни.

И. А. ПСЕЛДОНИМОВ

СВЯТОЕ БЕСКОРЫСТИЕ

Рис. М. Черемных

— Ишь ты! Сказывают, к осени еще на 10 процентов снижение произойдет.

— А ты разве покупать что-нибудь собираешься?

— Нет. Но все-таки приятно.

КИНО-ТЕХНИКА И КИНО-„НАУКА"

ИСТОРИЯ НЕ ОДНОГО КИНО-РЕЖИССЕРА

Рис. Бор. Ефимова

1. Режиссер работал с увлечением;
2. Особенно налегал на диафрагму;
3. Нередко прибегал к полному затемнению;
4. Интересовался крупным планом;
5. Пришлось быть и ему самому „снятым";
6. С'емка закончилась большим наплывом...

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

К СОЖАЛЕНИЮ, должен я вам сказать, что в наше время лучший твой друг норовит про тебя какую-нибудь пакость в стенгазете написать или одолжить у тебя последнюю синюю толстовку на один день, а возвратить через неделю без пуговиц и с пятнами.

И должен вам еще сказать, что среди молодежи этот вопрос гораздо острее, нежели среди стариков. Старики, они куда тише, у них нет такого широкого масштаба и азарта в этом отношении, как у молодняка—какого-нибудь рабфаковца или вузовца.

Вот я сам — студент. Живу в общежитии. В нашей комнате семь человек. Койка к койке.

Уж два года так живем. Казалось бы, спайка должна была быть чортовская.

А на деле вот что.

Еще с осени приударил я за Маней Васильевой—медичка, госстипендиатка второго курса. Ходили мы каждый вечер друг к другу. То я у нее в общежитии на кровати сижу и вздыхаю, то она у меня на табуретке сидит и скучает. А где бы нам встретиться наедине, по настоящему—нет помещения. И кончено.

И вдруг—бац. На мое счастье—снежные заносы. И на этом деле по очистке трамвайных линий заработал 3 р. 75 коп. А тут еще и стипендия подоспела. По этому случаю говорю ребятам:

— Вот вам по четвертаку на рыло, смывайтесь из комнаты на три часа. Чтоб три часа вашего духу тут не было.

Они, конечно, обрадовались, а сами фасон ломают.

— За двадцать пять копеек—три часа. Таких цен нынче нет. Меньше, чем по полтиннику, не возьмем. И то только для тебя.

И обиднее всего, что горячей всех режется Колька Скворцов—химик третьего курса. И кричит громкие фразы:

— Это неслыханная эксплоатация студенческих масс!

— Эх, говорю, не тебе бы, Николай, спорить. Забыл, как в прошлом году к тебе двоюродная сестра приезжала. Разве мы не ушли на четыре часа? А сколько ты нам дал? По двугривенному.

— Да, но сейчас жизнь вздорожала. Ты сравни теперешние цены и прошлогодние. Почем подсолнечное масло? А потом тогда была весна, а сейчас январь и грипп свирепствует. За твой четвертак валяться в больнице два месяца—дураков нет.

Торговались, торговались. И отвалил я им по тридцать пять копеек. Всего два рубля десять. И они ушли.

Я сейчас же открыл форточку, комнату подмел. Столик свой накрыл чистым полотенцем. За кипятком сбегал. Из сундука вынул заранее припрятанные четверть фунта халвы с орехами, два пирожных с кремом, папиросы высший сорт А „Люкс", пять штук шоколадных конфет „Мишка". Все это разложил, как можно красивее, закурил и жду. Полчаса проходит, нет Мани. Я то-и-дело в коридор бегаю часы смотреть. А ее нет и нет. Меня даже залихорадило. То на койку лягу, то по комнате кружусь, то вдруг стихну и прислушаюсь. Как внизу парадная дверь скрипнет, кувырком лечу и уж слова наготове:

— Дорогая моя, как я рад... Я так беспокоился... Ты совсем замерзла...

Но напрасно—нет ее и нет. Глаза жмурю. Слышу, как мышь скребет, и как сердце мое колотится. Опять — к часам. А на них уж девять. Бегу на улице без шапки. Вглядываюсь в темень. А она не идет да не идет. В отчаянии свалился на кровать и усталый заснул. Когда я проснулся, сколько было времени — не знаю. Только возле моего столика сидели мои друзья, доедали халву с орехами и курили папиросы „Люкс".

— А мы тебя будили, будили. Вот твоя доля. Ешь скорей пирожное, а то весь крем вытечет.

— Жрите сами, хоть подавитесь! — прохрипел я и, не раздеваясь, спрятал голову под подушку.

А на следующий день возле Анатомического театра я встретил Маню.

— Почему не пришла вчера, как условились?

— Ты понимаешь, шла к тебе, да по дороге встретила ребят из твоей комнаты. Они и давай меня уговаривать, чтобы пошла с ними в кинематограф. Понимаешь, такой случай, я, конечно, и пошла. Пат и Паташон были великолепны. Ах, как жалко, что тебя не было с нами.

Я ничего ей не сказал, только повернулся и ушел...

Б. ЛЕВИН

ПОСЛЕ „РЕВИЗОРА"

Рис. М. Храпковского

ЗАВТРЕСТОМ:—Чудак этот Сквозник-Дмухановский! В кои годы один ревизор к нему приехал — и он уже обалдел... А вот у меня на месяц по двадцать пять ревизий—и я ничего!..

СЛИШКОМ МНОГО ЗАВЕДЫВАЮЩИХ...

Рис. Ю. Ганфа

КРЕСТЬЯНИН:—И до чего ж этих самых заведующих развелось! Над обнакновенным столом—и то начальство имеется!..

НАШ КОНКУРС ДОМАШНИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ

Рис. И. Каликина

„КУЛЬТУРА В ПРОВИНЦИИ"—ПРОЕКТ ХУДОЖНИКА И. КАЛИКИНА.—КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

РАБОТА НЕ НА ЯТЬ

В библиотеке Белокалитвенской шахты цензор изъял за старую орфографию всех классиков: Горького, Бебеля, Маяковского и др.

„Труд".

Он стал свергать за томом том...
Таких отважных нынче много ль?
Слетел Тургенев, а потом—
Щедрин, Белинский, Пушкин, Гоголь...

Вот бухнул Фет. Некрасов сбит.
За ними Лев Толстой стремится.
Вслед пылкий Лермонтов летит,
По полкам „прыгая, как львица".

Трудился парень час и два.,
Неумолимый, грозно-хмурый...
Две клячи сдвинули едва
Огромный воз литературы!

Да, „старикам" не повезло:
Средь мусора, на радость мухам,
Немало авторов легло...
Да будет буква ять им пухом!

Когда свезли возов штук пять,
Борец-герой промолвил кстати:
— Пусть знают, что веду на-ять
Свою работу против яти!

Свезли все книги дочиста,
Увы, финал был очень жалкий:
В библиотеке—пустота,
А все читатели—у... свалки!

ДОЛЬ

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Козья „Жизнь" и козье „Знание"

Московское кооп. издательство „Жизнь и Знание" выпустило несколько плакатов по охране здоровья человека.

Текст одного плаката:

Не берите в рот после другого папиросы, зубные щетки, гвозди, зубочистки, булавки и т. п. предметы—можно заразиться сифилисом.

С боку текста приведен рисунок. Лес. В лесу избушка на курьих ножках. По тропинке к избушке пробирается девочка.

Только при страстной настойчивости можно заразиться сифилисом в изображенной на плакате обстановке, где в рот можно взять только какое-нибудь вековое дерево, да и то его надо прежде вырвать с корнем из земли.

Загробный поэт

Поэт Ник. Зарудин воспроизводит голос „из могилы".

Колотите (?!) скорей, колотите (?!)
Крышку гроба...

Да не только крышку: и еще коекого за компанию!

Киргизская проблема

„Советская Киргизия" (от 6 марта) выступает во всеоружии на борьбу... с собаками...

Собак не изживешь. Но борьба с тем злом, какое они порождают,—вполне возможна.

Но как можно „изжить" все то зло, которое порождает наша газетная безграмотность, насаждаемая в советской Киргизии?

Головотяп

Вопреки мнению В. И. Ленина, тов. Андреев в журнале „Нот и Хозяйство" полагает, что русский язык — буржуазный предрассудок и поэтому нуждается в спешной „рационализации".

Допустимо ли терпеть официальное существование в школе и литературе языка былых „высших" классов?—взвизгивает автор статьи тов. Андреев.

Молоть языком — еще не значит „рационализировать" язык... А что вы думаете, тов. Андреев, о рационализации мозгового аппарата?

Издатель—„ГУДОК". Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

Главлит № 83480. Москва. 5-я типо-литография «Мосполиграф». Москва, центр, Мыльников, 14 Зак. № 1242. Тираж 100.000 экз.

ВЕСНА И КООПЕРАТОР

Рис. Ю. Ганфа

КООПЕРАТОР: — Чорт возьми! Весна кругом — солнышко все выше, воды все прибывают, день — и тот прибавляется, а ты — все снижай да снижай...